

9. Циммерман М. Хайдеггер, буддизм и глубинная экология // Мартин Хайдеггер: сборник статей / сост. Д.Ю. Дорофеев – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 426-457.
10. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. – Frankfurt am Main: Klostermann, 1994. – 519 p.

N. Varfalameeva
Samara University,
Samara

THE EXISTENTIAL OF EVENTS IN FUNDAMENTAL ONTOLOGY OF MARTIN HEIDEGGER

The article analyses the existential of events (Ereignis), which appears in later works by Heidegger. The article results that this existential becomes the basis of eventual ontology in his philosophy.

Key words: event, existential, Geschehen, Ereignis, another beginning, the last God, Dasein, Seyn-being, fundamental ontology.

Ю.Н. Грошева
Самарский университет,
г.о. Самара

МОДЕЛИ ПОСТОЯНСТВА ВО ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПЦИИ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ П. РИКЁРА

Статья посвящена концепции нарративной идентичности в философии П. Рикёра, представленной в книге «Я-сам как другой». Показывается взаимоотношение личной идентичности и нарративной идентичности, место нарративной идентичности в диалектике самости и тождественности. В статье рассматриваются феномены характера и сдержанного слова как модели постоянства во времени человеческой личности.

Ключевые слова: нарративная идентичность, личностная идентичность, самость, тождественность, характер, сдержанное слово.

Обращение к концепции нарративной идентичности в философии П. Рикёра представляется важным по ряду причин. Во-первых, данная

концепция проблематизирована в рамках «нарративного поворота» [9, 10, 11] в современной философии и в гуманитарной мысли наряду с работами А. Макинтайра, Р. Рорти, Ф. Анкерсмита. Во-вторых, в русскоязычной философии данная концепция является недостаточно освоенной, фактически только начинает изучаться.

Вопрос о формах постоянства во времени человеческой самости П. Рикёр обсуждает в работе «Я-сам как другой». Для мыслителя важно обнаружить такую форму постоянства во времени самости человека, которая была бы несводима к детерминации некоего субстрата в кантовском смысле. Решение данного вопроса французский философ связывает с феноменом личной идентичности как «идентичности человека, отвечающего за свое отношение ко времени, наделенного памятью, свидетельствующего о своем долге перед прошлым, и одновременно – человека, дающего обещания, благодаря обещанию создающего собственную идентичность в будущем» [3, с. 21]. Личная идентичность не представляет собой некую естественную данность сознания. Личность конструирует свою идентичность благодаря опосредованию «рассказами, нарративами, понятиями как разнообразные модели повествовательной конфигурации действия» [7, с. 101].

Резюмируя П. Рикёра, российский философ И.С. Вдовина пишет, что без понятия нарративной идентичности проблема личной идентичности не может быть решена, «в противном случае мы либо полагаем, что субъект всегда идентичен самому себе, либо считаем самоидентичность субъекта субстанциалистской иллюзией» [1, с. 44]. «Самость» человека способна избежать этой дилеммы, если её идентичность будет держаться на темпоральной структуре, соответствующей модели динамической идентичности.

Под нарративной идентичностью французский философ мыслит «такую форму идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности» [4]. Личность «ищет свою идентичность во многих повествованиях в масштабе целой жизни» [5, с. 144].

При обращении к анализу понятия «идентичность» П. Рикёр обнаруживает его семантическую двусмысленность. Человеческое мышление оперирует понятием «идентичность» в двух аспектах: идентичность как тождественность, которая понимается как «перманентность неизменной субстанции», неподвластную временным изменениям (лат. *idem*; англ. *sameness*, нем. *Gleichheit*) и идентичность как самость, «открытую изменениям и самоизменениям идентичность, которая никак не связана с неизменностью» [6] (лат. *ipse*, англ. *selfhood*, нем. *Selbstheit*). Самость как форма идентичности, свидетельствует «о долге человека перед своим прошлым и о его верности своим обязательствам. Философ обращает внимание на то, что самость и тождественность не являются синонимами.

Далее П. Рикёр отмечает, что фактически разговоры о самих себе приводят нас к двум моделям постоянства во времени (резюмированными сразу и дескриптивными, и символическими терминами): характер и сдерживаемое слово.

Ранние работы П. Рикёра «Волевое и неволеное» и «Человек погрешимый» содержат понимание характера как «абсолютно неволевого». Характер полагается в его отношении с бессознательным и бытием-в-жизни с рождения. Данная связь относит его к области существования человека, неподвластной темпоральным изменениям, но с которой приходится соглашаться. Природа характера описывается как неизменная и свершившаяся, как не избранная перспектива «нашего доступа к ценностям и использования наших способностей» [5, с. 149].

В работе «Я-сам как другой» понимание характера раскрывается как «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самотождественного» [5, с. 150]. Характер вбирает в себя совокупность длительных предрасположенностей, позволяющих идентифицировать личность. Подобное определение характера роднит его с понятием тождественности личности.

Рассуждая о темпоральной характеристике предрасположенностей, П. Рикёр приходит к выводу, что данное понятие сопрягается с феноменом привычки и с совокупностью приобретённых идентификаций. Первая предрасположенность как привычка существует в двух модусах: как уже наличествующая и как приобретённая. Очевидно, что оба вида привычек обладают временным значением. Так привычка наделяет характер историей. Здесь П. Рикёр согласен с Ж. Равессоном, который в своей диссертации «О привычке» утверждает «возвращение от свободы к природе». Каждая привычка образует черту характера, то есть отличительный признак, по которому можно распознать личность [5, с. 151]. В этом смысле характер знаменует совокупность отличительных признаков. Второе понятие предрасположенности как совокупности приобретённых идентификаций предполагает такую операцию распознавания, при которой «распознавание-себя-в способствует распознаванию-по» (по ценностям, нормам, идеалам). Личность через повествования ищет себя и таким образом формирует свою идентичность.

Мыслитель пишет: «Идентификация по героическим фигурам ясно показывает принимаемую на себя инаковость; но эта инаковость уже скрыто присутствует в идентификации по ценностям, способствующей тому, что «дело» ставится выше чьей-либо собственной жизни; тем самым элемент лояльности, лоялизма внедряется в характер и заставляет его повернуть к верности себе, а, стало быть, к сохранению «Я» [5, с. 151-152].

В этом смысле черты характера вбирают элементы оценочного предпочтения, укореняя этические основания характера. Поэтому идентификация личности осуществляется по предрасположенностям, имеющим оценочный характер. Приобретённые предрасположенности помогают складываться таким характерным идентичностям как качественная и количественная.

Характер как совокупность неких устойчивых характеристик обретает нарративное измерение в случае его идентификации с персонажем рассказанной истории, ввиду чего повествование может развернуть данные характеристики. Однако, резюмируя Гилберта Райла, П. Рикёр отмечает, что характер может меняться в процессе рассказывания истории, что особенно прослеживается в конструировании идентичности некой исторической общности. Так рассуждения об идентичности Франции Фернана Броделя полагают выявление продолжительных, даже постоянных отличительных особенностей, по которым можно судить о Франции как о персонаже [5, с. 153].

Таким образом, нарративная идентичность призвана привести в равновесие постоянные характеристики, укореняющие в конкретном характере конкретную жизнь, и характеристики, свойственные динамическому режиму идентичности.

Именно верность сдержанному слову является показательным выражением идентичности противоположной модели характера [2, с. 84]. Сдержанное слово позволяет индивиду сохранить себя вопреки времени. Однако данная модель постоянства во времени включает необходимость включённости личности в этическую плоскость своего существования. Этическая установка предполагает ответственность в данном слове, так как оно является гарантом для «Другого» в отношении надёжности, умения держать ответ. Личная идентичность, таким образом, представляет собой такой образ изменчивости, при котором сохраняется некая перманентная устойчивость: «как бы ни изменялось моё желание, как бы я ни менял мнения и наклонности, «я сохраняюсь» [5, с. 154].

Гипотеза П. Рикёра состоит в том, что полярность двух моделей постоянства личности проистекает из перманентности характера, который выражает чуть ли не полное покрытие одной модели другой, проблематики *idem* и проблематики *ipse*. Следовательно, верность себе в сдерживании данного слова знаменует собой крайний разрыв между постоянством самости и постоянством тождественного и поэтому полностью свидетельствует о несводимости двух проблематик друг к другу. Однако полярность предполагает вмешательство нарративной идентичности в понятийное формирование личной идентичности на правах особого опосредования между полюсом

характера, где *idem* и *ipse* тяготеют к смешению, и полюсом сохранения личности, где самость избавляется от тождественности [5, с. 148].

Здесь полюса идентичности сочетаются между собой. Это доказывает, что мы не можем продумать до конца *idem* личности без *ipse* даже когда первое покрывает другое. Тем самым в черты характера интегрируются аспекты оценочного предпочтения, определяющие этический аспект характера (в смысле Аристотеля).

Таким образом, нарративная идентичность оформляется на границе двух взаимоопределяющих её состояний: консенсуса и конфронтации. Состояние консенсуса характеризуется выявлением в личности объединяющего её с другими признака сходства, который отодвигает на задний план идентификационную индивидуальность. Конфронтация же, напротив, способствует формированию индивидуальной неповторимости личности [8, с. 312-317].

Нарративная идентичность в паре «идентичности как самости» и «идентичности как тождественности» выступает неким медиатором, позволяющим индивиду сохранять свои основополагающие личностные характеристики благодаря перманентности во времени в структуре повествования. Так как повествование этически нагружено, «нарративное единство жизни» подразумевает набрасывание на себя оценочного взгляда [8, с. 312-317]. Нарративная идентичность пронизана диалектикой «несогласного согласия», «взрывающего» бытие индивида и заставляющего вновь переписывать свою *life-story* соответственно новому порядку повседневности.

Как характер, так и сдержанное слово, обеспечивают основу «идентичности как самости» и признаются человеком как личное постоянство. Однако стоит учитывать, что «характер» в нашем понимании обозначает сторону постоянства, тождественности идентичности, в то время как «сдержанное слово» знаменует разрыв этого тождественного постоянства и приобретение самостью динамичного способа существования. Сдержанное слово выражает собой некий долг человека перед своим прошлым и его верность своим обязательствам в настоящем и будущем. В этом случае усилия человека направлены на возделывание собственной идентичности благодаря верности делу, каким-либо нормам, идеалам, моделям, находится в связи с обязательствами перед другими людьми и перед самим собой. Таким образом, сдержанное слово свидетельствует о сохранении самости несмотря ни на что. Оно характеризует личность как автора своих слов и действий, наделённого ответственностью в своих действиях и поступках, то есть как вменяемую и нравственную личность.

Библиографический список

1. Вдовина И.С. Памяти Поля Рикёра // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 44-63.

2. Жукова О.И., Жуков В.Д. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности / Вестник КемГУКИ. – № 29/2014. – С. 84.
3. Кастийо М. Понятие этики и морали в учении Поля Рикёра // Поль Рикёр философ диалога. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 21.
4. Рикёр П. Повествовательная идентичность [Электронный ресурс] URL: <http://www.libros.am/book/read/id/46208/slug/povestvovatel'naya-identichnost>
5. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века), 416 с.
6. Старовойтов В.В. Проблема Я, личности, самости в творчестве Поля Рикёра [Электронный ресурс] 2009, №2 URL: <https://www.psyoffice.ru/5714-12-2835.html>
7. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра. – С. 101.
8. Шульгина Д.Н. Контексты идентичности в философском дискурсе // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №1. – С. 312-317.
9. Fisher W.R. The Narrative Paradigm: An elaboration // Communication Monographs. – 1985. – Vol 52. – № 4. – P. 347.
10. Kreiswirth M. Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // New literary History. 1992. Vol. 23. № 3. History, Politics, and Culture. P. 630.
11. Mattingly, Ch., C. Garo, L. Narrative as Construct and Construction // Cultural Construction of Illness and Healing / edited by Cherul Mattingly and Linda C. Garo. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 4 –5.

Y. Grosheva
Samara University,
Samara

MODELS OF THE CONSTANCY IN TIME IN THE CONCEPT OF NARRATIVE IDENTITY IN P. RICOEUR'S PHILOSOPHY

The article is devoted to the concept of narrative identity in P. Ricoeur's philosophy, presented in the book "Oneself As Another". The relationship between personal identity and narrative identity, the place of narrative identity in the dialectic of selfhood and sameness, is shown. The article considers the phenomena of character and restrained word as a model of the constancy in time of the human person.

Key words: *narrative identity, personal identity, selfhood, sameness, character, the reserved word.*